

УССР

Киев

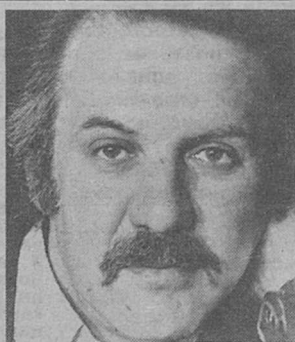
Театр им.

Леси Украинки

1 III - 01

ПРОЩАЙТЕ, ВОСПОМИНАНИЯ!

Н

ЕСКОЛЬКО раз давал себе слово никогда ничего не писать о Театре Леси Украинки. И несколько раз не удавалось это слово сдержать. Вот и сейчас...

Такое трудно объяснить, но всегда, когда на афише этого театра появлялось новое режиссерское имя, хотелось верить, что предвещает оно перемены — и к лучшему. И почему-то в такие моменты всегда вспоминалось, каким театр был когда-то. Вернее, чем он был когда-то для меня, для Киева, для всех. Это не стоит повторять, все давно уже сказано. Именно — давно: в последнее время об этом, наверное, мало кто думает.

Уже долгие годы Театр Леси Украинки похож на множество других, таких же безликих театров — все, что в нем происходило, происходило так, как везде. Те же пьесы и те же авторы. И труппа год от года становилась все более невыразительной, какой-то усредненной, усредняющей — и бывшие некогда яркими дарования, и индивидуальности тех, кто впервые здесь появлялся на сцене. Только, может быть, чаще, чем где бы то ни было, ведущие актрисы театра с неистовостью, достойной лучшего применения, уверяли нас со страниц газет и с экранов телевизоров, что испытывали немыслимые потрясения от встреч со своими героинями — литейщицами или секретарями райкомов.

Режиссеры не отказывали им в таких потрясениях: с завидной последовательностью включали в репертуар одну за другой пьесы жен сотрудников ЦК и партийных журналистов. Что, правда, совсем не гарантировало их карьеру: по количеству сменившихся за последние пятнадцать лет главных режиссеров с Театром Леси Украинки трудно сравнить какой-либо другой театр. Не вспомнить имена режиссеров и названия тех пьес. Да и ни к чему. И все же, все же... Как только в этот театр приходил новый

режиссер, казалось, что не все потеряно и все можно вернуть.

Обо всем этом можно было бы и не писать, если бы на последней премьере я не ощутил то, чего не ощущал никогда. Если бы не увидел совершенно другой театр, никак и ни в чем не соприкасающийся с тем, каким он жил в моей памяти.

О чем помышлял режиссер?

И дело совсем не в том, что в «Кандиде», поставленном В. Петровым, заняты практически совершенно новые актеры, лишь недавно пришедшие в театр. И что «Кандид» — мюзикл, жанр, в общем-то, этому театру мало знакомый. Дело в том, как поставлен спектакль.

Поставлен же он так, как ставятся спектакли в молодежных театрах. Причем в только что возникших, то есть без традиций и опыта, лишь пытающихся сформулировать свою художественную позицию и засвидетельствовать некую творческую уверенность. Я не хочу сказать ничего плохого: в конце концов любой режиссер вправе начинать свой театр с нуля, точно до него на этой сцене ничего не происходило. Речь о другом. О том, какую перспективу открывает сценическое произведение, какой театр за ним встает да и просто — каковы возможности исполнителей. Вопрос, согласитесь, далеко не праздный, если относится он к такому театру, как киевская Русская драма.

Можно было бы считать «Кандида» некой разминкой или пробой сил — главным образом в пении и танцах. Однако мюзикл — жанр, требующий как раз испытанного мастерства и жесткой исполнительской дисциплины. Не случайно в мире мюзиклы редко ставятся в репертуарных театрах, для них специально подбираются актеры, в них, как правило, заняты звезды. И играют они из вечера в вечер — год, два, три. Что не лишено смысла — с точки зрения той же дисциплины и того же мастерства. Но самое главное — в мюзикле недопустимы эстрадность, пародийность по отношению к оригиналу.

В киевском же «Кандиде» самое главное — именно пародийность и эстрадность. Они настолько плотно заполняют собой все, что сквозь них трудно различить не только вольтеровский оригинал, но даже индивидуальность исполнителей. Да, здесь все поют и двигаются, но хотелось бы, чтобы все еще и играли. В том непреходящем значении этого глагола, которое, в сущности, все и определяет в спектакле. И вне которого он становится просто набором отдельных номеров. Кто-то исполняет их лучше, кто-то хуже, не в этом суть. А в том, что сквозь спектакль В. Петрова трудно пробиться именно к театру. Хотя, надо думать, «Кандид» ставился как произведение программное.

Но, может быть, все и не так. И ни о чем таком режиссер вовсе и не помышлял. Просто поставил веселое представление, зная, что успех ему гарантирован музыкой /Бернштейна и молодежью исполнителей. Во всяком случае я не раз ловил себя на ощущении, что присутствую на капустнике в процветающем театре, совсем не склонном к размышлениям о своей судьбе. И, действительно, никакие воспоминания не посещали меня. Разве только потом стало понятно, что с ними вообще следует распрощаться навсегда. Тем более что ведущие актрисы театра с новой неистовостью уже сообщают о своих потрясениях от встреч с героинями Жана Кокто.

Может быть, на этот раз сдержу слово и не буду больше писать о Театре Леси Украинки. Хотя...

Георгий КОВАЛЕНКО.